

Машина неспешно катила по пригородной дороге, петляющей меж крепких стволов сосен и елей. Редкие фонари едва освещали мокрый асфальт.

Равномерный гул мотора убаюкал Анну, задремавшую на пассажирском сиденье, как в детстве спрятав ладони до самых кончиков пальцев в рукава и укутавшись в куртку. Ей было спокойно и уютно. Девушка невольно улыбнулась, не открывая глаз: даже став взрослой, только с ним она могла расслабиться и не думать ни о чем. Только с отцом.

А он вел джип, всматриваясь в опускающиеся сумерки. Как всегда сосредоточенный, серьезный. Не глядя протянул руку, поправил сбившийся капюшон куртки дочери.

Тормоза нехотя заскрипели, подчиняясь воле водителя и останавливая автомобиль.

Анюта открыла глаза.

— Что такое? Что-то с машиной?

Свет фар выхватил из темноты живой комочек, притаившийся у обочины.

— Смотри-ка, Ань! Он опять тут! — Отец с улыбкой хлопнул себя по колену.

Ее всегда удивляло его острое зрение. Увидеть в вечерних сумерках маленького зверька не всякому дано. А он заметил.

Ёжик.

Быстро выбравшись из джипа, отец осторожно приблизился к лесному жителю, что-то ему говоря. Аня толком не слышала, но догадывалась, что этот обычно суровый и даже

грубый военный подбирает сейчас те самые слова, добрые и одновременно успокаивающие, которыми когда-то в детстве уговаривал ее съесть лишнюю ложку каши или заплести непослушные волосы в косички.

Ёжик замер, увидев рядом человека. Казалось, еще секунда, и он скроется в лесной чаще или свернется в защитный клубок с торчащими во все стороны иголками.

Но он не убежал. Как загипнотизированный, потянулся носом к протянутым ладоням, обнюхивая их. И позволил взять себя на руки.

С видом победителя отец развернулся к машине, показывая дочке колючую находку. Та улыбнулась в ответ, кивая.

Спустя минуту перенесенный через дорогу и отпущенный в траву ёжик на мгновение замер, глядя на внезапно возникшего помощника, и бодро побежал в темноту, быстро перебирая лапками.

Отец, смеясь, сел на водительское место, захлопнул дверь. Автомобиль тронулся, и они продолжили путь.

Анюта захлопала в ладоши.

— Пап, ведь ему, может, и не надо было на другую сторону. Откуда ты знаешь?

— Мы старые знакомые. Не первый раз уже переносу. Ёж ждал меня.

— Ждал? Да ладно! Не может быть такого. — Она тихо рассмеялась — Это же просто ёжик, просто дикий зверек. Думаешь, он тебя помнит?

— Анют, я не знаю, но надеюсь, что помнит. Ты же видела — он даже не испугался, не свернулся. Значит, мы подружились.

Аня тихонько хихикнула, прикрыв ладонью рот.

— Конечно, подружились. Кто же еще захочет терять время и останавливаться, чтобы перенести ёжика через дорогу? Только лучший друг.

Отец покосился на нее с улыбкой.

— А как же по-другому? В этом и есть смысл дружбы — оказаться в нужное время в нужном месте. Чтобы помочь другу.

В машине на несколько минут стало тихо, каждый задумался о чем-то своем, а дорога все бежала под колесами, отмеряя километры пролетающими мимо указателями.

— Теперь понятно, куда и почему ты так часто уезжаешь. В нужные места помогать друзьям. Я знаю, их у тебя много.

— Друзей много не бывает.

— А врагов?

Вздохнув, отец произнес:

— Анют, врагов считать — неблагоприятное дело. Важно быть уверенным в том, что делаешь. И верить в то, что делаешь все правильно.

И снова тишина.

— А в Зоне у тебя кого больше — врагов или друзей?

Лицо отца вдруг помрачнело, а костяшки пальцев, крепко сжавших руль, побелели.

— В Зоне нет друзей. И не может быть. Есть только временные союзники. — Помолчал, потом добавил уже другим голосом, в который вернулись теплые нотки: — Поспи, Анют. Еще часа два ехать. Я тебя разбужу.

Аня закрыла глаза, но сон уже не возвращался. Что-то было не так. Не первый раз она провожала отца в очередную командировку, вот только сейчас какое-то тревожное чувство не покидало ее.

Тогда она не понимала причин своего беспокойства.

И лишь спустя несколько месяцев, когда ей сообщили плохие новости, Анна восстановила в памяти во всех подробностях этот вечер, дорогу, ёжика... И позже вспоминала еще не раз.

Последний вечер с отцом, которого Зона все-таки забрала...

* * *

«Никогда не говори “никогда”», — повторяла она про себя, лежа на полке плацкартного вагона, пока колеса поезда отстукивали километр за километром.

Вот уж точно говорят люди. И именно сейчас тот самый момент, когда Анна в очередной раз убеждалась в справедливости этой фразы-формулы.

Она возвращалась в Зону.

Через целую вечность. Спустя 20 лет с того дня, когда дала обещание себе и своим близким: «Да никогда!»

«Никогда не говори “никогда”», — думала она чуть позже, сидя в рыжем пузатом автобусе, который от старости, казалось, вот-вот не только потеряет колеса, но и просто развалится на очередном ухабе.

«Автобусом к Зоне» звучало как минимум смешно. Увидев такую табличку на лобовом стекле старенького «пазика», стоящего посреди площади железнодорожного вокзала, она даже попыталась себя ущипнуть.

«Да уж. Все для туриста», — подумала она, сидя на заднем сиденье и подсакивая на ухабах в такт прыгающему автобусу, ловя постоянно пытающийся ускользнуть от нее походный рюкзак и возвращая его на место рядом с собой. Поправила на носу большие очки с темными стеклами, прикрыла глаза, глубоко вздохнула и усмехнулась собственным мыслям: «Собралась туристка в лес, по грибы да ягоды».

И действительно, это выглядело именно так: очередная сумасшедшая искательница впечатлений, желающая хотя бы одним глазком увидеть кусочек легендарной Зоны отчуждения. Невысокая женщина в вязаной цветной шапочке с помпоном, сером пуховике с карманами на молниях и потертых джинсах идеально соответствовала и этому «пазiku», и заранее продуманному и созданному ею образу. Даже те, что были с ней когда-либо близко знакомы, вряд ли уз-

нали бы сейчас майора спецназа Анну Спирину, командира группы Сил Спецопераций с позывным «Аспид». Выдать ее мог только острый взгляд зеленых глаз, под которым в боевую бытность Анны теряли весь свой пыл враги и поднимались в последний бой подчиненные. И поэтому темные очки сейчас были как никогда кстати.

Попутчиков оказалось немного, четверо мужчин на весь автобус, и никто из них не обращал внимания на одинокую женскую фигуру. Каждый занял место у окна, по разные стороны «пазика», подальше друг от друга. Трое были похожи на местных жителей — в телогрейках, шапках-ушанках, натянутых до бровей, и высоких кирзовых сапогах с пятнами придорожной грязи на голенищах. Один читал газету, двое других спали, опустив голову на грудь.

А вот четвертый вызвал у Анны интерес. Ей даже показалось, что лицо мужчины, почти до глаз скрытое вязаной черной шапкой, ей знакомо. В новеньком рыбацком комбинезоне, с сумкой и набором удочек в чехле, он пристально всматривался в дорогу перед автобусом, практически не шевелясь и не вертя головой по сторонам. Будто ехал по хорошо знакомым местам и ничто не могло его удивить, но при этом находился в ожидании чего-то впереди на пути.

Присматриваясь сквозь очки к «рыбаку», Анна вдруг поняла, что в нем ее смущает. Прямая спина. Не рыбацкая. И резкие, четкие движения правой руки, которую он периодически вскидывал, посматривая на циферблат наручных часов.

«Да ты такой же рыбак, как я туристка», — подумала она, подсакивая на очередной яме.

И мысль эта начала крутиться в голове, образуя лиану логических цепочек. Кем мог быть этот мужчина? С какой целью ехал он тем же маршрутом, что и она? Случайно ли они оказались в одном автобусе? Если это армеец из Сил охраны, то почему в рыбацком комбинезоне, а не в форме?

И главный вопрос — знает ли он ее и, если они знакомы, узнал ли сейчас?

За этими мыслями Анна не заметила, как они проскочили мимо синего указателя — «Вольный». Замелькали старые обветшалые домики с темными, заколоченными крест-накрест окнами.

Она отвлеклась от рассуждений о загадочном попутчике, рассматривая унылый пейзаж. Запустение и разруха царили в небольшом поселке, неожиданно ставшем когда-то прикордонным центром сталкерской жизни. Здесь прежде толпились искатели приключений, пытающиеся попасть в Зону и получить гордое прозвище «сталкер», аферисты и уголовники всех мастей, зарабатывающие на безумцах-бродягах, и ученые, жаждущие исследований и открытий во благо человечества или собственного кармана. Воспоминания о приобретенных и потерянных друзьях, бывших противниках и врагах нахлынули на Анну.

«Пазик» въехал на центральную площадь поселка и замер перед обшарпанной бетонной остановкой, освещаемой одним из немногочисленных уличных фонарей. Двигатель замолчал, двери открылись, и пассажиры неспешно потянулись к выходу, исчезая в вечерней темноте.

Анна тоже встала и невольно кинула взгляд на «рыбака». Тот резко поднялся, взял наперевес свои удочки и ровным пружинящим шагом направился к дверям. Спрыгнув со ступенек, замер в нескольких шагах от остановки и осмотрелся. Анна сняла рюкзак, открыла и, сделав вид, что укладывает вещи, украдкой стала наблюдать за мужчиной. Тот постоял несколько минут, еще раз сверился с часами и скрылся в сумерках. Пожав плечами и наконец сняв неуместные в это время суток очки, она последней вышла из автобуса.

Воздух Зоны. Даже тут, в нескольких километрах от Периметра, он проникал в легкие, кровь, сердце... в мозг. Если

однажды вдохнешь его, то уже не забудешь, не перепутаешь ни с каким другим — наэлектризованный, насыщенный странными запахами, тревожный.

Заблудиться в темноте в этом поселке она не боялась: с закрытыми глазами могла бы нарисовать план улиц, расположение домов — даже местонахождение канализационных люков помнила. Сколько операций было проведено тут — не счесть, карта местности отпечаталась в памяти намертво.

Центральная улица осталась позади, как и свет фонарей. Тишину нарушал лишь лай собак на окраине.

Миновав несколько полутемных переулков, Анна дошла до нужной двери. Остановилась перед крыльцом, украшенным совсем нелепой, особенно в таком месте и в такую погоду, зеленой елочной гирляндой, которая едва светила и даже иногда пыталась мигать. Подняла взгляд на козырек над дверью. «НА КОРДОНЕ» — гласила надпись, выложенная все той же гирляндой, а ниже болталась на двух цепочках табличка, на которой обычной белой краской было выведено еще одно слово — «БАР». Или у хозяина заведения иссякла креативная мысль, или длины новогоднего украшения не хватило на все буквы.

Усмехнувшись, Анна поправила рюкзак на плече и толкнула дверь. Несколько ступеней начинались сразу за порогом и вели вниз, в подвал. Спустившись, путешественница задержалась у входа, ожидая, пока глаза привыкнут к полумраку.

— Вечер добрый. Проходите, сейчас будет посветлее, — раздалось из глубины бара.

И действительно: через пару секунд зажглись светильники, и Анна увидела перед собой абсолютно пустое просторное помещение с несколькими столиками и барной стойкой у дальней стены.

— Спасибо. Не стоило беспокоиться, не такой уж важный гость пожаловал, чтобы иллюминацию включать, — улыбнувшись, произнесла она.

— Для нас каждый посетитель важен. — За стойкой оказался молодой высокий парень в тельняшке. — Время сейчас такое — гости нечасто заходят. Проходите, располагайтесь, где вам удобно. Я сейчас принесу меню.

Вдруг в разговор вмешался другой голос, на который Спирина тут же повернула голову:

— Не надо меню, Сережа. Гостью уже ждут. — Мужчина за одним из столиков у левой стены помахал ей, вставая и отодвигая соседний стул. — Проходите, Анна Алексеевна. Я позволил себе занять вам место.

Анна не любила неожиданностей, особенно тех, которые связаны с людьми, знающими ее имя.

Но к этой встрече она уже была практически готова — подойдя ближе, признала того самого «рыбака». Недавний попутчик был в комбинезоне, молния которого оказалась расстегнута, открывая взору армейскую футболку с нашивкой Сил Спецназначения.

«Хоть что-то уже ясно», — подумала Анна, опуская рюкзак на пол у противоположной стороны.

— Я не люблю принимать приглашения от неизвестных мне мужчин, тем более от тех, которые делают это, называя меня по имени и отчеству. — Сняв пуховик и повесив его на спинку стула, она села, изучая лицо мужчины. Немолодой, с пробивающейся сединой в волосах и цепким взором. Косой шрам над правой бровью его совсем не портил. — Я вас не знаю, но вот голос показался мне очень знакомым.

Мужчина протянул красную книжечку — удостоверение офицера.

— Михаил Иванович Шебанов, капитан запаса... — прочитала вслух Анна. — Простите, но я все равно не узнаю вас.

Тот усмехнулся, пряча в карман документ.

— Я так и предполагал. Ваше имя я тоже узнал совсем недавно. Скажу даже больше: никогда вас не видел вживую, только однажды на фотоснимке. А вот о группе «Аспид» и ее командире Зона слухами полнилась. Наслышан.

От последних слов она напряглась, подалась чуть назад от стола, сжавшись как пружина, готовая в любую секунду распрявиться и нанести смертельный удар.

— И о чем конкретно наслышаны?

Капитан уловил ее движение, но не пошевелился.

— Позывной «Шеба», шестой отряд первого батальона Сил Спецназначения — может, это вам о чем-то говорит.

Анна вновь придвинулась, положив на столешницу обе ладони и пристально смотря на капитана.

— Я помню этот позывной. И ваш голос помню. Шестой отряд выходил последним из батальона после зачистки. Из него многим не удалось выйти тогда.

Шебанов сплел пальцы и, не глядя на Анну, добавил:

— Скорее мало кому удалось. К сожалению, не вашему отцу. Он мог выйти с первым отрядом, но, как настоящий командир, оставался до конца.

Анна потянулась к шапке, стянула ее с головы. Копна светлых волос упала на плечи.

Резко повернувшись в сторону барной стойки и пряча от капитана вдруг заблестевшие глаза, крикнула:

— А можно нам чего-нибудь крепкого, граммов так по пятьдесят?

— Конечно можно. Мы тут для этого и работаем. Где же еще можно, как не у нас? — приговаривал бармен Сережа, подходя к ним со звенящими на подносе тарелками, рюмками и бутылкой. — Заказ уже давно сделан, просили чуть позже принести — вот я и не спешил.

В полной тишине он быстро расставлял посуду. Гости следили за его движениями, ожидая, когда смогут продолжить разговор.

— Спасибо, — первой нарушила молчание Анна.

Шебанов кивнул возвратившемуся за стойку бармену, потянулся к холодному стеклу бутылки с дорожками стекающих капель, откупорил ее и наполнил рюмки. Поставил одну из них перед женщиной, сидевшей с каменным посеревшим лицом, вторую поднял и тут же залпом выпил содержимое.

— Капитан, вы же узнали меня в автобусе. Почему решили не подавать вида, не подходить? И почему были уверены, что именно тут, в этом баре, я непременно появлюсь?

Шебанов откинулся на спинку стула, уставившись на Анну.

— С недавних пор я не сторонник ностальгических встреч, разговоров о смысле жизни и воспоминаний. Да, узнал, практически сразу, но, судя по одежде, вы не планировали встретить кого-то из знакомых. — Капитан склонился над столом, подавшись к собеседнице, и перешел на шепот: — Кто же знает, для чего вы здесь? У меня свои дела, у вас свои. Зачем же я буду вмешиваться в *ваши* и отвечать на вопросы про *личное*?

Спирина обхватила стоявшую перед ней рюмку, провела по ее краю большим пальцем.

— Но вы ведь ждали меня тут, капитан.

— Я, как и вы, Анна Алексеевна, не верю в случайные совпадения. Когда вы были в этом поселке в последний раз? Я, например... — Он задумался. — Лет двадцать назад, если не ошибаюсь. Вы, наверное, не меньше.

— Девятнадцать лет и семь месяцев, — уточнила она, поднимая глаза на его лицо и пытаясь уловить ход мысли спецназовца.

Тот присвистнул:

— Много времени прошло, много воды утекло. И вот мы опять здесь. Я не ждал вас, Анна. Я ждал человека, который прислал мне это сообщение. Если это сообщение от вас, то, значит, мы встретились не случайно.

Он перевернул лежащий перед ним на столе смартфон, провел несколько раз пальцем по экрану и придвинул его к Анне. Та, взглянув на экран, прочитала текст сообщения, после чего достала из кармана свой гаджет и положила рядом с аппаратом Михаила.

— Тогда мы ждем одного и того же человека, — ответила она капитану.

Тот прочитал вслух:

— «Для Аспида. Жду через три дня, в 22.00. Бар "На Кордоне". Срочно, дело важное». — Шебанов задумчиво отодвинулся, забирая свой телефон. — Странно. Время отправки то же самое, что и у моего сообщения. И текст совпадает, кроме позывного. Я бы и не поехал, если бы не армейский позывной. Тем более сообщение пришло на тот номер, которым я никогда ни с кем не делился.

Анна убрала смартфон и огляделась.

— По крайней мере мы разобрались в том, что случайности не случайны. Время еще есть, подождем. Мне теперь еще любопытнее узнать, кто же этот неизвестный отправитель. Если это шутник, то он явно знает, с кем решил пошутить. И, надеюсь, догадывается о возможных последствиях таких забав.

* * *

Ступеньки на входе закрипели под тяжелыми шагами.

Двое мужчин, появившихся в баре, прошли в противоположную от Шебанова и его собеседницы сторону и, с шумом отодвинув стулья, устроились за столиком.

«Это же автобусные попутчики!» — Анна рассматривала замазленные телогрейки и все так же надвинутые до бровей шапки.

— Эй, малой! Водки и чего-нибудь пожевать! — прозвучал скрипучий прокуренный голос одного из них.

Капитан, через плечо изучая парочку в ушанках, прищурил глаза. Спирина заметила это.

— Знакомые?

— Чур меня от таких знакомств, — повернувшись к ней, хмыкнул он в ответ. — Нет, я не знаю их. А вот голос почудился знакомым.

Он налил себе водки, покосился на нетронутую рюмку собеседницы и отставил бутылку в сторонку.

— Что ж, не будем терять время попусту. Чувствую, что вечер только начинается, поэтому стоило бы хорошенько перекусить.

Аромат горячего супа и урчание в животе напомнили Анне, что завтрак в вагоне поезда был уже давно, и она решила последовать примеру капитана, который с явным удовольствием уплетал куриный бульон. Принявшись за еду, она каждый раз произвольно поднимала взгляд, когда входил очередной посетитель, и быстро осматривала его с головы до ног, подмечая даже самые незначительные детали. Так, на всякий случай.

«Жива, жива армейская привычка», — подумала она про себя.

Время ожидания текло неспешно. В баре прибавлялось людей, многие столики заведения уже были заняты разношерстной публикой. Клубы табачного дыма, завивающиеся в спирали галактик, плотно повисли под потолком. Негромкие голоса беседующих посетителей были похожи на гул пчелиного улья, а переплетаясь с музыкой, звучащей из динамиков над барной стойкой, создавали атмосферу спокойствия, которая убаюкивала женщину.

Рев мотора на улице, глухой звук удара и тонкий резкий голос, срывающийся на истеричные ноты, невольно заставили многих посетителей отложить нехитрое занятие и повернуть головы ко входу.

— Серый, твою мать! Когда повесишь на лестнице лампочку?! Сколько можно уже повторять! — раздраженная брань разом перекрыла музыку и всех говорящих.

Следом предстал и сам ворчун — невысокий полноватый мужчина в расстегнутом камуфляжном бушлате поверх спортивного костюма, явно навеселе. Скатившись по ступеням в зал и едва удержавшись на ногах, он продолжал бубнить ругательства себе под нос, пытаясь застегнуть пуговицы.

«Ух, какой колобок злобный!» — промелькнуло у Анны в голове.

— Зебр, я уже вешал там светильники, — отозвался бармен, — но воруют. Скручивают лампы или срезают на следующий день. Не твоя ли работа?

«Злобный колобок» зарычал, не поднимая головы от непослушных пуговиц.

— Какой я тебе Зебр, сопляк?! — Его голос превратился чуть ли не в ультразвук, едва переносимый человеческим ухом. — Я для тебя Константин Викторович! Запомнил?!

Щеки мужичка покраснели до пунцового цвета — то ли от злости, то ли от неудачной борьбы с бушлатом, не желавшим прятать обширное пузо владельца. Он наконец выпрямился, собираясь обрушить еще более витиеватую брань на бармена, однако осекся, заметив, что посетители внимательно и с легкими усмешками следят за ним.

— Ух ты... Как тут людно сегодня. Вечер добрый, господа! — «Колобок» попытался изобразить реверанс и едва не упал. — Прошу прощения за беспокойство.

Запахнув полы бушлата и придерживая их, толстячок неверным шагом прошел к стойке и сел, повернувшись спиной к залу.

Бармен поставил перед ним бутылку и рюмку, однако тот отодвинул от себя и то и другое.

— Налей-ка мне кофе, да покрепче.

Получив желаемое, Зебр склонился над чашкой, отпил глоток и затих, подперев подбородок руками.

Быстро потеряв интерес к подвыпившему мужичку, невольные зрители этого мини-спектакля вернулись к своим делам, хотя от внимания Анны не ускользнула странная реакция одного из посетителей, что сидел за столиком у двери. Тот, сжимая в кулаках нож и вилку и будто бы забыв об их основном предназначении, сверлил спину Зебра горящими глазами из-под капюшона, надвинутого почти до переносицы. Если бы взором можно было убивать, то, наверное, «колобок» бы уже корчился на полу в предсмертных судорогах.

«Да тут, судя по всему, кто-то кому-то конкретно насолил», — подумала женщина.

Она потянулась к Шебанову и тронула за рукав, кивнув в сторону вошедшего высокого мужчины в длинном пальто, который, пересекая зал, уверенно направлялся к стойке.

— Капитан, а этот человек вам случайно не знаком?

Шебанов повернул голову и проводил взглядом посетителя, а затем ответил:

— Охо-хо, Анна Алексеевна. Я же говорил, что самое интересное еще только начинается. Монстр случайно нигде не появляется.

— Монстр? — Она с легким удивлением осматривала элегантно одетого, абсолютно седого мужчину.

— Леша Нестеров, он же Монстр. Когда-то упоминание его имени наводило страх на всю Зону. Вольных стал-